

Глава 8. Годы долгой тоски, обратившиеся страстью в одну ночь

Пощёчина оказалась полной неожиданностью. Чун И с малых лет учился держаться в седле и биться в пешем строю, а теперь, ослеплённый гневом, вложил в удар всю свою силу. Хотя Фу Исянь и владел боевыми искусствами, телосложением он отличался хрупким. От этого яростного, стремительного удара, заставшего его врасплох, он покачнулся. Он почувствовал нестерпимую боль в лице, в ушах зазвенело, а мысли на мгновение спутались.

Стоило Чун И услышать строчку: «Одежды залиты слезами, и, тоскуя о тебе, я флейте доверяю грусть», как кровь его буквально закипела в жилах.

Он прекрасно знал, что Фу Исяня и Чун Дая связывала давняя дружба. Он также знал, что Чун Дай слыл на всю Поднебесную благородным господином Muskusa и Орхидеи. Именно это и разжигало в его душе удушливую ревность. Сегодня на глазах у сотен придворных Исянь преподнёс Чун Даю флейту. Каков бы ни был скрытый смысл этого дара, они явно не были друг другу просто старыми знакомыми.

С тех пор как они тайно встретились в усадьбе великого генерала, Чун И считал, что полностью покорило сердце Исяня. Наедине он частенько позволял себе лёгкое кокетство и шутки — поначалу лишь ради того, чтобы удержать верного помощника подле себя. Но со временем император разглядел истинную натуру своего фаворита. Исянь оказался равнодушен к чинам и богатству, предан душой лишь своему государю и разительно отличался от хитрых, изворотливых царедворцев. Поняв, какое сокровище ему досталось, Чун И стал дорожить им ещё сильнее. Он не раз призывал Фу Исяня якобы для обсуждения государственных дел, но, глядя на его утончённый, чистый облик, то и дело ловил себя на том, что сердце начинает биться чаще, а к щекам приливает жар.

Сегодня же, глядя на то, как гармонично переплетались флейта Исяня и песнь Чун Дая, он почувствовал, будто между ними существовала врождённая, нерушимая связь. Двое утончённых мужчин смотрелись вместе настолько безупречно, что у Чун И внутри словно разверзлась пустота, отозвавшаяся тупой болью. Гордость правителя не позволила ему выказать свой гнев прилюдно, и он лишь отвлекался на притворно дружескую беседу с принцем Чэном.

Но стоило ему вернуться во дворец, как нахлынуло мрачное беспокойство. Шёпот Исяня на ухо Чун Даю, потерянный, растерзанный вид самого генерала — эти картины стояли перед глазами, и избавиться от них было невозможно. Император надеялся, что вызов Исяня во дворец принесёт облегчение и развеет тревоги, но вместо желанного утешения услышал роковые слова: «Одежды залиты слезами, и, тоскуя о тебе, я флейте доверяю грусть».

Чун И прекрасно понимал, что Фу Исянь не из тех, кто плетёт интриги и сколачивает клики ради власти, и вовсе не подозревал его в тайном сговоре с родом принца Чжуана. Это была чистая ревность. Исянь же и помыслить не мог, что это чувство окажется куда страшнее и

яростнее любой монаршей подозрительности.

Боль в ладони после удара не принесла Чун И облегчения. Пощёчина вышла сокрушительной, и Исяню досталось сполна, однако император чувствовал себя проигравшим. Зияющая рана в его душе так и не затянулась. На смену ярости пришла уязвлённая жалость к самому себе, бросавшая его из крайности в крайность.

— Фу Сяошань, как ты смеешь, как ты смеешь?! Как ты посмел на такое пойти? Как я к тебе относился? Неужели в этом и заключается твой долг подданного?!

Фу Исянь, отшатнувшись от удара, замер, низко опустив голову. Услышав, как дрожит голос владыки, он попытался подняться и ответить, но почувствовал, как из носа струится что-то тёплое. На губах осел солоноватый, металлический привкус. Он невольно коснулся лица ладонью — он увидел, что пальцы окрасились кровью.

Чун И заворожённо смотрел на алую струю, стекавшую по губам и подбородку Исяня. Эта кровь казалась страшными слезами из красной туши, запятнавшими его бледную щёку.

подавив подступившую к горлу обиду, Исянь упёрся руками в пол, собираясь заговорить, но Чун И внезапно рванулся к нему и больно сжал его подбородок. Пошевелиться было невозможно — оставалось лишь покорно замереть в железной хватке императора.

В неровном полумраке бокового зала Резонирующей Гармонии Исянь с опущенными ресницами казался отрешённым и безмятежным. Но Чун И этого было мало. Из носа пленника всё ещё сочилась кровь; она скользила по пальцам императора и тяжёлыми каплями глухо падала на холодные каменные плиты пола.

Чун И медленно провёл пальцем по его скуле, размазывая кровь, и спросил хриплым голосом:

— Сяошань, больно? Я... я сильно ударил тебя?

Исянь хотел склониться в почтительном поклоне, но, удерживаемый за подбородок, лишь едва заметно покачал головой.

— Подними глаза. Посмотри на меня.

Исянь медленно поднял взгляд. Они встретились взглядами, и отвести взор было невозможно. Чун И медленно опустился перед ним на колени, потянувшись к лицу Исяня, чтобы вытереть алую струйку, но тот вздрогнул, мягко высвободился из рук государя и низко склонился, коснувшись лбом пола.

Эта явная попытка отстраниться вновь разбредила утихшую было обиду. Мимолётная нежность обернулась жгучей солью на открытой ране. Ему хотелось закричать, осыпать

фаворита упрёками, но гнев перехватил горло, не позволяя вымолвить ни слова. Чун И сжал кулаки, готовый ударить снова, однако вид собственных ладоней, испачканных чужой кровью, остудил его пыл. Он так и не поднял руку.

Император выпрямился и, словно в оцепенении, сделал пару шагов назад.

— Фу Сяошань, помнишь ли ты ту ночь в саду твоего поместья? Помнишь, что я тебе сказал?

Исянь полагал, что гнев государя ещё не утих, и этот вопрос застал его врасплох. Перед мысленным взором воскресли слова, сказанные Чун И под покровом темноты:

"Я буду оберегать тебя, Юаньшань. Но и ты должен принадлежать мне без остатка"

Будучи человеком тонкого ума, Исянь мгновенно всё понял. Он почувствовал, как сердце сжалось от нежности и щемящей тоски, но суровые законы придворного этикета сковывали его по рукам и ногам. Он не смел переступить невидимую черту, разделяющую монарха и его слугу.

Он лихорадочно думал. С тех пор как он стал доверенным лицом императора Юйчэна, государь осыпал его милостями и неизменно оберегал от невзгод. Давняя вражда между престолом и удельным принцем Чжуаном не была для Исяня тайной. Однако его дружба с Чун Даем лежала далеко за пределами дворцовой борьбы. Если попытаться объяснить сейчас, в столь бурный момент, его собственные обиды окажутся пустяком — Исянь больше всего боялся навлечь беду на голову Чун Дая.

К тому же все его помыслы без остатка занимал лишь этот взбалмошный, упрямый император. До других ли ему было дело?

Заметив, что Исянь погрузился в раздумья, Чун И решил, что тот тоскует о Чун Дая. Он почувствовал обжигающую горечь. Он, владыка Поднебесной, обладающий несметными богатствами и властью над миллионами жизней, никогда ещё не чувствовал себя столь нищим и беспомощным. Покорить чужое сердце оказалось труднее, чем завоевать царство. Но гордый нрав императора не позволял ему признать поражение.

— Я запрещаю тебе думать о нём! — вскричал Чун И.

Он резко рванул Исяня на себя, силой заставив подняться, и крепко прижал к своей груди.

— Слышишь? Не смей о нём думать! В твоём сердце должен быть только я!

Чун И впился пальцами в его тело с такой силой, словно он намеревался переломить Исяня пополам. Он почувствовал острую боль в рёбрах, но в груди Исяня разлилось тёплое, щемящее чувство. Разве мог он ожидать, что император в порыве ревности забудет о величии и

произнесёт столь откровенные слова?

Видя, как отчаянно Чун И твердил свой нелепый запрет, Исянь окончательно уверился в искренности его чувств. Забыв о приличиях и субординации, он мягко положил ладони на плечи императора и негромко произнёс:

— В моём сердце и так нет никого, кроме вас, Чун И... Просто вы об этом не знали.

— Что ты сказал? Повтори. И забудь про официальный тон, я не желаю его слышать!

— Я говорю, что ты уже давно в моём сердце. Только ты этого не замечал.

Чун И заворожённо смотрел на бледные губы Исяня, на его подбородок, измазанный тёмной кровью. Услышанное принесло ему неизъяснимое облегчение. Повинуясь внезапному порыву, он склонился ниже и мимолётным движением коснулся губами испачканного кровью уголка рта Исяня. Вспыхнувшее вожделение мгновенно опалило его, заставив пересохнуть в горле. Он скользнул горячей ладонью вниз, властно огладив тонкую талию фаворита.

Исяня никогда прежде не ласкали столь бесстыдно. Он густо покраснел, на губах всё ещё ощущалось влажное прикосновение, а он чувствовал лишь густой аромат белого сандала, исходивший от императорских одежд. От неожиданного, откровенного прикосновения к пояснице по телу пробежала дрожь, у него подогнулись колени, и он невольно тихо рассмеялся. Этот мягкий, доверительный смех показался Чун И верхом соблазна. Он крепче прижал Исяня к себе и прошептал прямо в губы:

— Сяошань, я хочу, чтобы ты был со мной. Сегодня ты никуда не уйдёшь. Останешься здесь, со мной.

<http://bllate.org/book/19874/2038275>